

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

О ТИШИНЕ

Степная речка высохла давно.
И экскаватор, берегом ступая,
речушки этой глинистое дно
и день и ночь без усталости копает.

Сырого грунта гулкие шлепки —
как взрывы бомб.
А на земле, устало
тяжелые раскинув кулаки,
спит мастер сменный:
знать, давно не спал он.

Как богатырь, лежит он на спине
в комбинезоне, выцветшем от пота...

Вот так же спят солдаты на войне
меж двух атак, под рокот пулемета.

Спит человек. И даже видит сны,
в которых лес, пшеница у дороги...
А вот случись минута тишины —
и вскочит он, как воин по тревоге!

* * *

Начать бы так стихотворенье:
«Я помню чудное мгновенье...»
Но было все совсем не так.

В окопе, перед наступленьем,
курили молча мы табак.
Час оставался до сраженья.
А там (на то она — война!)
кого-то спишет со снабженья
навечно ротный старшина.

Но не об этом, не об этом
все ж думал я...
Меня ждала
в краю, где тихие рассветы,
девчонка нашего села.
Хорошие слова сказала
мне на прощание она...

Вставал рассвет. Грозя обвалом,
плыла над фронтом тишина.
Часы показывали восемь.
Шепча проклятия врагу,
в окоп свалился письмоносец
с тяжелой сумкой на боку.
Конверт мне сунув:
— Не иначе,
как от нее опять, — сказал.

«Любимый мой!» – смеясь и плача,
я в первой строчке прочитал.

Но вот за дымным лесом где-то
проснулся гневный бог войны
и в небо красная ракета
взлетела с нашей стороны
Взлетела медленно, тревожно...

Я падал и вставал опять...
Я верил: счастье невозможно
из тысяч пушек расстрелять!
А пули пели. Мимо, мимо!
И мины падали в траву
Я знал, что мне необходимо
Дожить, и верил: доживу!

...Так день за днем...
В огне и дыме
прошла зима, потом весна
Все ж опоздал я... Ты прости мне:
четыре года шла война.

Где ты теперь? Кто мне расскажет?
А впрочем, это все равно:
я позабыл тебя. И даже
все письма сжег давным-давно
Забыл. Пришла пора иная...
Но я себе напрасно лгу:
я, о тебе не вспоминая
о прошлом думать не могу.

Ведь ты со мною в дни ненастья
была на линии огня...
А это... это было счастьем,
по крайней мере для меня!

* * *

Оглядываюсь с гордостью назад:
прекрасно родовое древо наше!
Кто прадед мой? — Солдат и землепашец.
Кто дед мой? — Землепашец и солдат.
Солдат и землепашец мой отец.
И сам я был солдатом, наконец.

Прямая жизнь у родичей моих.
Мужчины — те в руках своих держали
то плуг, то меч... А бабы — жены их —
солдат земле да пахарей рожали.

Ни генералов нету, ни вельмож
в моем роду. Какие там вельможи...
Мой прадед, так сказать, не вышел рожей,
а дед точь-в-точь был на него похож.

И все ж я горд,— свидетельствую сам! —
что довожусь тому сословью сыном,
которое в истории России
не значитя совсем по именам.

Не значитя... Но коль неволю
терпеть ему обиды становилось,
о, как дрожать вельможам доводилось,
шаги его расслышав за версту!

Ничем себя возвысить не хочу.
Я только ветвь на дереве могучем.
Шумит оно, когда клубятся тучи,—
и я шумлю... Молчит — и я молчу.

ПАРАД ПОБЕДЫ

Такое Площадь знала лишь однажды,
однажды только видела Земля:
солдаты волокли знамена вражьи,
чтоб бросить их к подножию Кремля.

Они, свисая, пыль мели с брусчатки.
А воины, в сиянии погон,
все били, били в черные их складки
надраенным кирзовым сапогом.

Молчала Площадь. Только барабаны
гремели. И еще — шаги, шаги...
Вот что такое «русские Иваны» —
взгляните и запомните, враги!

Вы в них стреляли?

Да, вы в них стреляли

И жгли в печах?

Да, вы их жгли в печах!
Да только зря: они не умирали,
лишь молний прибавлялось в их очах!

«На-а-пра-во!» — и с размаху о брусчатку
и свастику, и хищного орла.
Вот так! России бросили перчатку —
Россия ту перчатку подняла!

И видели, кто был в тот день в столице,
на Площади: она, лицом строга,
подняв венец

и меч зажав в деснице,
прошла по стягам брошенным врага!

ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

К погожему рассвету приурочив
событие,
в предчувствии утрат,
осенние березовые роши
несметным войском вышли на парад.
И радостна была она для взгляда
и почему-то трогала до слез —
торжественность последнего парада
осенних облетающих берез.

Ворвется скоро зимник в их пределы —
и все... И лето канет за чертой.

Но, прежде чем на землю ляжет белый
снег, —

 долго будет падать золотой.
И, ветками озябшими кивая,
березы будут елям напевать
одно и то ж: «До следующего мая!
Счастливо только б
 перезимовать...».

ПИШИТЕ ПИСЬМА МАТЕРЯМ

Поют гитар походных струны
в тайге, в горах, среди морей...
О, сколько вас сегодня, юных,
живет вдали от матерей!

Всегда вы где-нибудь в дороге —
то там объявитесь, то тут...
А ваши матери в тревоге
вестей от вас все ждут и ждут.

Они считают дни, недели,
слова роняют невпопад...
Коль рано матери седеют —
не только возраст виноват.

И потому, служа солдатом
или скитаясь по морям,
почаще все-таки, ребята,
пишите письма матерям!

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Они к нам не придут, не постучат...
И все ж, хотя нам это всем известно,
мы за столом для них оставим место,
нальем бокалы им... Пускай стоят.

Мы — братья их, нам больше повезло.
Мы — побратимы их, нас миновало...
Зато как после нам их не хватало
и как без них нам было тяжело!

Не ждут их больше матери назад,
состарились их жены и невесты.
Под мирным небом всходят повсеместно
цветы и травы, где они лежат.

Но, памяти о них навек верны,
за счастье жить
мы выпьем честь по чести
и вспомним, не сговариваясь, песни,
что мы певали с ними в дни войны.

«Землянку», «Огонек» и все подряд...
И будем слушать, в чувствах не лукавы,
о чем молчат, нетронуты, бокалы,
о чем они, невыпиты, кричат,